

Ф. К. СОЛОГУБ

О недописанной книге

(Георгий Чулков. О мистическом анархизме.
Со вступительной статьей Вячеслава Иванова
о неприятии мира. Книгоиздательство Факелы. 1906, СПб.)

Стремимся к тому, чего нет. Жаждем свободы. Свобода, почему-то, не дается: злые демоны или жестокие люди для чего-то наложили на всех нас незримые, но тяжкие оковы. Свободы нет, — есть власть внешних норм. Но свобода будет, — будет последнее освобождение и свободная общественность или соборность.

Во все времена общественность была тою сетью, которую накидывал на Извечно-Свободного Некто-Злорадствующий, и уловлял множества. И то, что было, в идеальном плане, Человеком, в тугих петлях социального строя становились Мразью: Чернь, Толпа, Пупечное мясо, Людская пыль, и мало ли еще как называлось Это, состряпанное из Человека, захотевшего Сытости и продавшего Кому-то (Кому, однако?) свое Первородство за Чечевичную похлебку (варево омерзительное, пойло и ежа мерзкие вместо вечной Трапезы). Выход из этой сети ясен (в общем) двум милым авторам книги о мистическом анархизме. Они — добрые люди, и они знают истинный путь, хотя и не совсем подробно. И этот путь — мистический анархизм (термин, изобретенный Г. И. Чулковым и одобренный, хотя и с оговорками, Вяч. Ив. Ивановым). Это — не теория, не определенное учение, это, как совершенно ясно указывает в своей книге автор остроумного термина, только путь, по которому могут идти «конный или пеший», «воин, купец и евнух».

Путь обозначен верно (хотя лучше бы его назвать иначе), путь свободной соборности. Это объясняется во вступительной статье В. И. Иванова, статье, написанной превосходно и пересыпанной умильными ссылками на собственные стихи автора. В конце пути — последнее освобождение от власти внешних норм. Этот путь,

идет через социализм, но так как он есть истинный путь, то сеть Злорадного растает в призрачный Дым, и Человек, похитив Яблоко, останется в Эдеме, что и будет знаменовать конец истории (Анекдота, рождённого Айсою¹). Таков *virus* книги г. Чулкова, — если автор этой скромной заметки достаточно восприимчив к едкому вкусу мистико-анархических сладких отрав.

Путь означен верно. В термине нет противоречия, говорит Вяч. И. Иванов. Вы думаете, анархия и мистика — разное? Вяч. И. Иванов думает, что это — одно и то же. Мистический анархизм — тавтология, вроде «русский москвич». *Истинный* мистик — безусловно свободная личность; *истинный* анархист — безусловно мистик, т. к. плохой же он анархист, если верит в Бога или в мировую необходимость, т. е. он должен сознавать свою свободу в смысле безусловно самоопределяющейся волевой монады. Свобода мистическая и свобода политическая — все свобода, одна и та же; так Афродита Небесная и Афродита Народная — одна и та же богиня. Что касается меня, то в этом пункте я предпочитаю думать, что это — две богини, что это — две свободы, и что смешение терминов не полезно для ясности мысли. Кроме того, мне кажется авторским произволом называть истинным в чужих учениях лишь то, что согласно с его замыслом. О мистицизме, конечно, Вяч. Иванов говорит, как о своей отчине и дедине; но существом анархизма лучше бы признать то, что признавали таковым настоящие анархисты. «Истинный» мистик и «истинный» анархист для моего слуха звучит, как «истинный» русский.

Верный путь — путь великой борьбы с Роком. Мiroдержавная Мать трех вечных Прях-Мойр не являла доньше Человеку своего подлинного Лица. Она предстоит ему под личинами, равно-трагическими, равно-ужасающими, равно-безобразными, но повергающими Человека в Прах разными способами: это — личины жестоко-непреклонной Ананке (необходимость) и коварно-изменчивой Айсы (случай). Айса учит Прях прясть, Ананке учит Жницу жать. Сеть крепка, Нож остер, — как же Человек может быть свободен?

В плане истории Айса, в плане мистическом — Ананке. Человек никогда не свободен, уже потому, что он — рожден, он — всегда и неизменно Сын, — а «несть Сын болий Отца».

Свободен только Я. Последнее освобождение — удел того только, кто придет ко Мне, и примет Мой закон великого тождества совершенных противоположностей. Всякое иное приближение к решению задачи — призрачно и обманчиво. Таково и решение мистических

анархистов. Безусловно самоопределяющаяся волевая монада безусловно свободна, но я себя таковым не знаю, и такую пустынную свободой не удовлетворюсь, — потому что монада, как таковая, определяясь свободно, не имеет никаких причин определяться к чему-нибудь, и определяется неизбежно к безнадежному одиночеству, какими бы декорациями Соборности она себя ни утешала. Ее пустая и праздная свобода — коварный дар обманчивой Айсы, произвольно бросающей в бесцельную, но роковую игру неисчислимы возможности, — неисчислимы, и совершенно никуда не ведущие.

И что есть волевая монада?²

Ничто простое, ничто единое нам не дано: мы всегда в мире бесконечных сложностей, и условно-простое обнаруживается только анализом, результаты которого не всегда надежны. Человек — сложный и не замкнутый мир, постоянно подверженный неисчислимым влияниям. Взаимодействие внешних влияний и сложившихся внутри Его устремлений создает Ему то или иное обличье: устойчиво-стремящегося или неустойчиво-зыблемого. Его неустойчивость стремится его в изменчивое море зыбких случайностей, в гибельную пучину конечной несвободы. Психология его — состояние томительной нерешительности, безволия. Его наука — Факт, его история — Анекдот, его утешение — Комедия, его радость — Счастье.

Устойчивость Человека устремляет его единственным путем роковой необходимости, под новые небеса конечной свободы. Психология его — состояние яркой решительности, вечного воления. Его завет — Тайна, его пафос — Трагедия, его истина — самоутверждение.

Самоутверждение свободной человеческой личности не дано в соборности, как думает г. Вяч. Иванов. Соборность — только средство приобщения ко Мне. Весь восторг соборности только в том, чтобы прийти вместе, чтобы вместе быть со Мною. Не Мне множество нужно, мой праздник — молчание и тайна, и для множества цель — Я. Скопление людей только тогда и становится Общиною, когда Каждый придет ко Мне. Сколько и как ни собирайте людей, полагающих свои цели вне Меня, — это все будет Стадо, нестройным ревом зовущее Пастуха и его Бич. Только самоутверждение преображает Вещь в Человека и Стадо в Общину. Я же утверждаю себя вне и прежде всяких социальных устройств, каковы бы они ни были, как бы они ни отрешивались от власти, чем бы они ни топтали Пастуха и Бич.

И как им откреститься от власти? Вот, Вяч. Ив. Иванов говорит о свободе, Г. И. Чулков — о безвластии, об освобождении от власти всяких норм, — но, подобно тому, как не сделан анализ понятия о Свободе, и она не утверждена, по закону тождества совершенных противоположностей, на Необходимости, миродержавной матери трех Прях, так и относительно понятия власти анализ не сделан. Что же такое власть? Почему созданные Человеком (или Иным?) нормы имеют власть над Своим Творцом (или Тварью?) Что есть яд и сила власти?

Я думаю, что если Г. И. Чулков пожелает когда-нибудь проанализировать понятия, над которыми он оперирует, то под грубо-сделанною маскою Власти обнаружится для него личина все ее же, Миродержавной. Обличье коварной Айсы явится за сваливающеюся маскою. И по великому закону тождества совершенных противоположностей на Весах мира медленно качнутся и станут на дивном Уровне всемирно-тяжелые грузы Власти и Случайности.

Качаются мировые Весы. На дивном останавливаются Уровне — Свобода и Необходимость, и обе — одно; Власть и Случайность — и обе — одно.

Как же разбить железные оковы необходимости? Как разорвать липкую сеть случайности?

Только в Преображении — путь к свободе. Дивное таинство, становящее То — Иным, совершенно противоположным, только оно показывает мне, что я — Я, творящий и волящий, единый, роковой. Необходимость перестает быть для меня внешне-гнетущим Роком, и претворяется в Мою непреклонную Волю. Случайность перестает быть для меня внешне-обольстительною Судьбою, и перековывается в Мою верховную Власть. Так истлевают последние Личины, и Ананке и Айса становятся только Моими.

В моей краткой заметке все это кажется, может быть, произвольным и слишком догматичным. Но невозможно говорить иначе, как полусловами и намеками, о книге, которая совсем напечатана (уж это-то несомненно), но еще не совсем написана. Я хотел указать только на то, что путь безвластия может и не быть путем свободы, и что мудрые Слова, которые есть в этой книге, не спаяны в венец Мистагога³ и Жреца⁴.

